

Чу Ичжи только переступил порог больницы, как услышал предостережение Ванцая:

— Ой-ой, носитель, главный герой почернел!

— Почернел? Я еще и побелеть могу. И что с того?

Ванцай молчало. Его носитель что, профессиональный спорщик?

— Когда герой чернеет, он может совершать крайне радикальные поступки. Носитель, тебе раньше не попадались такие сценарии?

Чу Ичжи хоть и был актером в прошлом, но все мысли его были заняты тем, как заработать денег, поэтому в подобных профессиональных терминах он разбирался слабо и честно ответил:

— Нет.

Это стало для Ванцая неожиданностью, но оно все же решило ответственно все объяснить:

— Некоторые герои после почернения запирают своих возлюбленных в клетке, к тому же они становятся намного сильнее.

— Ты хочешь сказать, что Гу Сои должен сначала нанести себе смоки-айс?

— Не знаю насчет макияжа, но то, что он станет злодеем — это точно.

Чу Ичжи не придавал этому значения:

— А разве он сейчас хороший? Человек, который способен спокойно пойти на свадьбу сразу после убийства, по-твоему, может обладать высокой моралью?

— В этом есть доля правды. Но я беспокоюсь, что его почернение повлияет на развитие сюжета, и тогда мир рухнет. Это твой первый мир, носитель, если он развалится сейчас...

— И что будет?

— Твой рейтинг упадет до самого дна, к тому же вычтут баллы и очки влияния.

— У меня и так ноль баллов, а влияния — кот наплакал, пусть вычитают.

— Они станут отрицательными.

В душе Чу Ичжи пронеслось стадо диких лошадей. Он об этом забыл. А ведь совсем не

хотелось, чтобы после стольких мучений в итоге остаться с долгами вместо награды.

— Если я успешно пройду ветку с Гу Сои, мир не рухнет?

— Этого... я и сам не знаю.

— Будь что будет, сначала попробую.

Он взял еду, которую тщательно выбирал в ресторане этажом ниже, переложил ее в заранее приготовленный контейнер и, насвистывая мелодию, вошел в лифт. Там он столкнулся с госпожой Ван, которая как раз собиралась уходить.

Она знала об отношениях Чу Ичжи и Гу Сои, а учитывая характер последнего, обычно старалась не лезть к нему с нравоучениями. Хотя врагами они не были, но и общались редко, предпочитая делать вид, что не замечают друг друга. Чу Ичжи уже приготовился проигнорировать ее, как обычно, но неожиданно госпожа Ван заговорила:

— Поговори с ним.

О ком шла речь, было очевидно. В конце концов, Гу Сои был ее золотой жилой, и она скорее отказалась бы от кого угодно, но не от него.

Чу Ичжи почувствовал прилив сарказма, но на лице изобразил глубокую скорбь:

— Не волнуйтесь, госпожа Ван, я обязательно буду хорошо заботиться о Сои.

Она явно верила в чувства Чу Ичжи к Гу Сои, ни в чем не сомневаясь, кивнула и ушла.

— Сои, ты проснулся, — Чу Ичжи поставил контейнер на стол и с жалостью посмотрел на Гу Сои.

Тот все еще был в ярости и не собирался встречать его приветливо. В конце концов, обычно он вел себя именно так. Но он не знал, что перед ним уже не тот мужчина, который был готов ради него на все, и, разумеется, терпеть такое отношение к себе он не собирался.

— Я принес тебе поесть, попробуешь?

Гу Сои промолчал, словно ожидая, что Чу Ичжи начнет умолять его поесть. Но этой мечте вряд ли суждено было сбыться в этой жизни.

Чу Ичжи открыл контейнер:

— Ну ладно, раз не хочешь, съем сам.

Сказав это, он взял ложку и принялся невозмутимо есть. Аромат еды дразнил вкусовые рецепторы Гу Сои, и его живот предательски заурчал. Гу Сои выругался про себя, внезапно поймав себя на мысли, что хочет попробовать это блюдо. Ладно, окажет ему милость, так и быть, съест ложечку.

Однако Чу Ичжи будто не замечал его, он даже не обернулся, с аппетитом уплетая обед. Гу Сои, не евший несколько дней, проголодался еще сильнее. И, возможно, именно поэтому еда казалась ему такой притягательной. Это лишь доказывало одну истину: когда человек сыт, у него тысячи тревог, а когда голоден — только одна.

Гу Сои пошевелил пальцами, но так и не смог пересилить себя и позвать его. Этот Чу Ичжи оказался еще более невыносимым, чем Тань Ши!

Ванцай недоумевало:

— Носитель, ты же хотел пройти ветку с главным героем? Почему ты моришь его голодом?

Чу Ичжи с удовольствием жевал и терпеливо ответил:

— Потому что люди иногда любят пострадать ерундой.

— А?

Наивная маленькая система, конечно, не могла этого понять.

— Почему мне кажется, что Гу Сои ничем не отличается от прежнего? Я уж думал, он сейчас вскочит и взорвет больницу. Какое-то разочаровывающее почернение.

Ванцай:

— ...Носитель, он почернел, а не мутировал.

Он что, правда думал, что Гу Сои — Годзилла? Взорвать больницу! Почему бы ему сразу в космос не улететь?

Через полчаса Чу Ичжи, сытый и довольный, аккуратно собрал посуду и уселся на стул для сопровождающих, беззаботно играя в три-в-ряд. При этом он приговаривал:

— Сои, не переживай, я буду рядом с тобой, — ни словом не обмолвившись о том, что нужно поест.

Гу Сои, чей живот уже кричал от голода, подумал: «...»

Он уверен, что пришел его поддержать, а не поиздеваться? Он сам лежит весь в бинтах, пошевелиться не может, умирает от голода, а этот сидит рядом, набивает живот и играет в игрушки! Кто-нибудь посторонний решил бы, что он пришел сюда только ради бесплатного вай-фая!

Наступила ночь, в больнице стало тише, и любые звуки теперь были слышны отчетливее. Гу Сои не желал, чтобы кто-то видел его в таком состоянии, поэтому разогнал всех сиделок, и теперь, когда он был на грани истощения, помочь ему было некому.

Услышав звуки, Чу Ичжи подумал: «Так тебе и надо». Он, не раздумывая, убрал телефон, схватил Гу Сои за руку и изобразил крайнюю степень сочувствия:

— Сои, как же ты страдаешь.

От этого прикосновения по истерзанному телу Гу Сои прошла волна боли, он побледнел. Но из-за своей гордости он не подал виду. Чу Ичжи, прекрасно знавший об этой его черте, слегка надавил на другие раны. Он называл это массажем. А что чувствовал человек, которому его делают, его уже не волновало.

Гу Сои корчился от боли, а Чу Ичжи с невинным видом спрашивал:

— Ну как, Сои, тебе стало легче?

Гу Сои:

— ...

Конечно, легче. Прямо до смерти.

Даже Ванцай не могло на это смотреть. Ад пуст, все бесы — это носители.

Спустя вечность, которая показалась Гу Сои пыткой, массаж закончился. Чу Ичжи наконец проявил милосердие и принес ему немного еды. Из-за тяжелого состояния Гу Сои пока мог есть только жидкую пищу.

Чу Ичжи зачерпнул ложку горячей каши и поднес к губам Гу Сои. После всего, что случилось, у того развилась своего рода фобия, и он инстинктивно хотел отстраниться. Но делать было нечего, есть хотелось, и он смиренно открыл рот.

Разумеется, Чу Ичжи «случайно» задел его разбитый уголок рта. Гу Сои не выдержал и хотел было выругаться:

— Цю И... бульк...

Горячая каша прямиком из ложки скользнула ему в горло. Только он собрался что-то сказать, как последовала вторая ложка:

— Бульк...

Так, каждый раз, когда он открывал рот, в него отправлялась порция каши. Не успел он опомниться, как миска опустела. Гу Сои даже не понял, какого она была вкуса.

Гу Сои:

— ...

Поел, но как-то не совсем.

<http://bllate.org/book/22478/2368025>